

Л.А. Озеров

В начале было «Слово» (Николай Заболоцкий)

<...>

Проще всего назвать Николая Заболоцкого пантеистом, певцом природы, нежно и последовательно устанавливающего связи всего, что внутри человека, со всем, что вне его. Постоянный круговорот, совершающийся в природе, метаморфозы, которым подвержено все мирозданье, материя и движение, — все то, что постигает человек на протяжении жизни — все это воплощено в стихах и поэмах Николая Заболоцкого. В рукописи поэмы «Птицы» имеется не вошедший в основной текст вариант, прямым текстом обращенный к Природе с большой буквы:

...Какой неотменно прекрасной
станет Природа! И мысль, возвращенная сердцу, —
мысль человека каким торжеством загорится!
Праздник Природы! В твое приближение — верю.

Возможно, поэт не устраивала прямота этих строк, находящихся где-то посередине между задравной песнью и гимном. До наступления космической эры Заболоцкий выразил веру в торжество «космической миссии человека — освобождение природы от хаоса и насилия», -- пишет в одной из своих статей сын поэта и его биограф Никита Николаевич Заболоцкий. В устах поэта «Природа» звучит всеобъемлюще и мощно, отрицая привычное бытовое понятие и природе, чистом воздухе, зелени, месте отдыха и сна. Заболоцкий в понятие Природы включает все многообразие явлений жизни, микрокосм и макрокосм, песчинку и звезду.

В эпоху, отмеченную вторжением политики в искусство, обилием социальных доктрин, назойливыми призывами служить задачам дня, Заболоцкий раскрывал перед читателями щедроты и красоты мирозданья. В этом смысле он был близок таким художникам, как Михаил Пришвин, Иван Соколов-Микитов, Константин Паустовский и другие. На самые жгучие вопросы человеческого бытия Заболоцкий отвечал в своих пейзажах, в своей лирике, которая часто носила эпический характер, так она была насыщена материалом жизни:

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед
В испареньях мерзкого тумана
Шли они за розвальнями вслед.

Шли они (надо ли называть их — кто они?) — «два несчастных русских старика». Вдали от родных и близких, от своих хат:

Жизнь над ними в образах природы
Чередой двигалась своей.
Только звезды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.

Звезды участвуют в действе, в бедственном действе «где-то в поле возле Магадана». Проникновенный огонь северных светил «уже не доходил» до людей. Старики сели и задремали, дремота их «в дальний край, рыдая, повела»:

Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

Все мирозданье и два старика-лагерника поэтом объединены. Всеобщее и частное слились.

Природа и общество предстают у Заболоцкого в целостности и единстве, но не в гармонии:

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

Не слышит «правильных созвучий», не чует «стройных голосов», но мечтает о гармонии, о мерном звуке «разумного труда», о «пенье труб», о «проводах, налитых током»:

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидеть.

Прочь разлад, долой невнятицу и службу, да будет гармония, симметрия, лад и склад, если не сейчас, то в будущем. Безумная, уставшая от противоречий Мать во имя своего дитяти мечтает увидеть солнце и взглянуть ему в лицо.

Продолжая классическую традицию художественного познания природы, Заболоцкий вместе с тем вступал с нею в спор. Тютчев в стихотворении «Певучесть есть в морских волнах, гармония в стихийных спорах» утверждает, что в природе жива цельность, она едина:

Невозмутимый строй во всем,
Согласье полное в природе.

Несогласие, разлад возникают, когда человек вступает в отношения с Природой. «Душа не то поет, что море». Чувствуя это несогласие, ропщет человек, у Тютчева — мыслящий тростник. Здесь поэт использует образное выражение Паскаля. Итак, линия раздела у классиков: природа и человек. У Заболоцкого несогласие, разлад — в самой Природе. Он и не ищет «гармонии в природе». Нет в ней гармонии.

Об этом думал и об этом писал Заболоцкий в эпоху расщепленного атома и космических полетов.

Принцип видения и изображения, смело заявленный в «Столбцах», развился и утвердился в зрелую и позднюю поры.

В «Творцах дорог» (1947) встречаем такие образы: «Уже летел, раскинув опахала, огромный, как ракета, махаон» и «Тяжелый жук, летающий скачками, влачил, как шлейф, гигантские усы». Эта манера поначалу была экспрессионистской, подчеркнута остранным-острой, пугавшей своей необычностью:

Прямые лысые мужья
Сидят, как выстрел из ружья...

Это из «Свадьбы» (1928). Самое состояние покоя передано как движение. Покой — как один из этапов движения, как потенциальная энергия, готовая к мгновенному действию — выстрелу.

Такие экспрессивные, динамические образы характерны и для позднего Заболоцкого:

На гладкой шелковой площадке,
Чей тон был зелен и лилов,
Стояли в стройном беспорядке
Ряды серебряных стволов.

«Стройный беспорядок» — антиномия, взрыв смысла. Стройность и беспорядок, то есть не-стройность, — это дает новую сильную окраску, стык противоречий, живую несовместимость, рождающую живой образ мира.

«Столбцы» и примыкающие к ним стихи — это эпические этюды, подготовившие появление трех эпических картин Николая Заболоцкого — поэм «Торжество земледелия» (1929–1930), «Безумный волк» (1931), «Деревья» (1933).

Привычно рассматривать путь поэта от «Столбцов» к этим поэмам и далее как путь от разоблачения лишнего духовности мещанского мирка к художественному исследованию мира. По внешним данным это похоже на правду. Но только — похоже.

В действительности же и в раннем Заболоцком прорываются задушевная лирика, духовность, пантеистические мотивы. Все более и более мир природы и мир человеческого общества в их единении и контрастности привлекает к себе внимание поэта.

Духовный мир человека в его соотношении с миром природы — вот что определяет и организует мысль и чувство, лирику и эпос Николая Заболоцкого в зрелую его пору, последние два с лишним десятилетия его работы.

Наука и мечта, Энгельс и Циолковский («Диалектику природы» первого он штудировал, со вторым состоял в рабочей переписке), физиология и астрономия питают любознательную душу поэта. Он далек от мыслей об утяжелении поэтического образа грузом научных познаний. Нет, он не желал поэзию рационализировать, то есть лишать ее чувственного обаяния, но он решительно боролся с бездумностью, одолевавшей беспечных жителей нашего Парнаса. Николай Заболоцкий не боялся ни науки, ни ее терминов, ни ее положений. Он был поэт, и этого было достаточно, чтобы не перейти границу искусства.

Сквозь волшебный прибор Левенгука
На поверхности капли воды
Обнаружила наша наука
Удивительной жизни следы.

Поэта увлекает живая цепь явлений, единство мира, его тайные связи, его распорядок. Лишь порой в том или ином стихотворении дает о себе знать заранее приготовленный каркас, заведомо поставленная задача. Это чувствуется в «Урале»: «Все дары блистательной таблицы элементов здесь улеглись для наших инструментов и затвердели. Так возник Урал».

Поэтический мир Николая Заболоцкого не может в полной мере быть определен ни тематическим перечнем, хотя и он достаточно широк, ни его научными интересами, хотя они внушительны, ни стихотворным мастерством, хотя оно весьма высоко. Безграничность поэтического мира — вот что показывает нам Николай Заболоцкий. Можжевельный куст, противостояние Марса, стирка белья, соловей, Бетховен, тайга, гробница Данте, подмосковные рощи, монах XIII века Рубрук, путешествующий по Монголии, строительство гидроэлектростанции в Грузии... Что общего между столь разрозненными в пространстве и во времени явлениями? Безграничный поэтический мир, включающий и то, и другое, и третье, и сто первое в силу органичности восприятия мира явлений и вещей. На всем, чего бы ни коснулся Николай Заболоцкий, проступила его индивидуальность, его особый, только ему одному присущий способ видеть и соединять предметы. Именно в силу этого мы свободно передвигаемся в многообразии поэтического мира Николая Заболоцкого, стараясь вникнуть в него и понять его. Он не утешает, не убаюкивает, не умиляется. Он хочет, углубляясь в предмет, понять его двуедиными усилиями ума и сердца. И в этих усилиях талант Николая Заболоцкого творит произведения, исполненные психологической и философской глубины, живописной силы, окрыленности и экспрессии. Здесь и «Некрасивая девочка», и «Болеро», и «Гроза идет», и «Старая актриса», и «На закате», и «Не позволяй душе лениться», и многое другое. Опыт и пример Николая Заболоцкого показывают, что для художественной передачи мира, терзаемого противоречиями, лишнего гармонии, не надо рвать стих, деформировать слова, уродовать речь. Напротив, клас-

сически ясные и четкие формы способны передать эту сложность. Пристальное ученичество у Державина, Пушкина, Баратынского, Тютчева дало Заболоцкому уверенность в правильности выбранного пути:

И в бессмыслице скомканной речи
Изошренность известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести?

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не смогла?

Так спрашивает поэт и так сам отвечает на свой вопрос:

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

Это стихотворение звучало бы дидактично, если б оно не имело автобиографической основы, если б не предстало перед нами страницей дневника поэта, выражающей его сокровенные мысли о языке, стихе, стиле.

«Пишу Вам с той почтительной робостью, с какой писал бы Тютчеву или Державину», – с такими словами обратился Корней Иванович Чуковский к Николаю Заболоцкому по прочтении его книги стихов, изданной в 1957 году, — наиболее полной из всех изданных при жизни поэта. Высокую оценку поэзии Заболоцкого внушили Чуковскому его семидесятилетний читательский опыт, высокая профессиональная взыскательность, строгий вкус историка литературы. Десятилетия, прошедшие после смерти поэта, показали, что оценку знатока поддержали десятки и сотни тысяч читателей. Книги Николая Заболоцкого расходятся мгновенно огромными тиражами. Сборник его, вошедший в серию «Классики и современники» (1989), печатавшийся по текстам Собрания сочинений в 3-х томах, набрал тираж — миллион экземпляров.

Любые, сколько-нибудь заметные антологии и хрестоматии русской поэзии, не могут обойти (и не обходят) стихов и поэм Заболоцкого. Уроки его творчества осваиваются новыми поколениями. В чем суть этих уроков?

Чтение стихов и поэм Николая Заболоцкого, если это пристальное чтение, убеждает, что образный мир поэта озарен мыслью. Мыслью о мирозданье и душе человека в их тяготении друг к другу и в их противостоянии. Поэт отрицает позицию сочинителя-чревовещателя и утверждает позицию мыслителя.

Поэзия мысли чужда при этом рационализму, сухости, дидактике. Она покоится на густой образности. Заболоцкий владеет тропами во всей их многохарактерности. Он живописует словом, его стих мелодичен, хотя и показывает «красоту неуклюжести», некой ассиметрии, неокончательной отшлифованности, что диктуется естественностью речи.

В эпоху распада стихотворной формы, намеренной потери власти над ней Заболоцкий крайне озабочен сохранением структурной почвы поэзии. Он бережет традицию, памятуя, впрочем, о том, что в интересах самой традиции развивать ее, то есть нарушать. И он постиг законы этого нарушения. Это именно новаторское нарушение, а не анархическое разрушение. Структурная почва поэзии дает возможность произрастать на ней новым злакам. Вот почему наиболее пристальные из наших стихотворцев наследуют Заболоцкого и изучают пути его художественного развития.

В оригинальных и переводных произведениях Николай Заболоцкий показал высокий уровень владения стихом, стихотворной речью, ее ритмичностью и звукописью.

Корпус оригинальных стихов и поэм Заболоцкого мощно подкреплен его переводами (главные из них — «Слово о полку Игореве», «Витязь в тигровой шкуре» Руставели, «Давитиани» Бараташвили, циклы переводов грузинской классической и современной поэзии). Умение передавать дух, а не букву подлинника, тщательность отделки строки и строфы, умение удалять из перевода малейший привкус «переводности», выверенность мелодики стиха, — все эти качества, в равной степени характеризующие Заболоцкого — поэта и переводчика.

В 1947 году Николай Алексеевич написал стихотворение под обязывающим названием «Завещание». Оно завершается такой строфой:

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

Ближние потомки поэта, наши современники, уже сказали ему слова признательности и стремятся доделать то, что ему довершить не удалось. Что же касается дальних потомков, к которым и обращается поэт то мы не в праве говорить от их имени, они только еще придут в этот мир. Но, думается нам, что в поэзии Николая Заболоцкого есть такой запас прочности, что подкрепляет нашу надежду на жизнь произведения поэта в будущем.